

мистификацию? В XX веке житнетворчество достигло своей наивысшей точки, выразившись не просто в литературных подделках, а в действительном появлении людей, убежденных в том, что человека и природу надлежит переделать. И каждый герой этой книги является неутомимым и с виду безобидным энтузиастом, исполненным благих намерений. Трое умнейших людей своего времени, запертых в камеру безумным фанатиком, предостерегают своих соотечественников, говоря о том, сколь губительной бывает вера в собственную спасительную идею.

Шуточная, на первый взгляд, мистификация Льва Ракова, Василия Парина и Даниила Андреева явилась искренним и исполненным глубокого гуманизма произведением.

Литература

Андреев Д.Л. Собрание сочинений: В 3-х томах, 4-х книгах. – Т. 3, кн. II. – М., 1997.

Андреев Д.Л., Парин В.В., Раков Л.Л. Новейший Плутарх: Иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен. – М., 1990.

Андреева А.А. Жизнь Даниила Андреева рассказанная его женой // Новый мир. – 1993. – № 7.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984.

Набоков В. Собр. соч.: В 4-х томах. – Т. 4. – М., 1990.

Новиков В. Мудрость веселой игры // Андреев Д.Л., Парин В.В., Раков Л.Л.. Новейший Плутарх: Иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен. – М., 1990.

О.Ю. Неволлина
Вологда

«ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» В.И. БЕЛОВА: ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ И КРИТИКИ

Повесть «Привычное дело» занимает в творческой биографии В.И. Белова важное, если не сказать даже – главное место. Это своего рода визитная карточка писателя. «Белов – автор “Привычного дела”», – говорим мы, желая обозначить статус художника его «звездным» текстом. История публикации произведения и многочисленных отзывов критики (Арефьева 1982) интересна как в плане творческой судьбы именно этой повести, так и для характеристики условий существования русской прозы в послевоенный период ее развития.

Повесть «Привычное дело» была впервые опубликована в № 1 журнала «Север» за 1966 год. К печати она готовилась в сжатые сроки (в те-

чение одного месяца). Уже в первых числах декабря 1965 года зав. отделом прозы журнала Р.Б. Корнев отправляет в Вологду писателю и ученому-литературоведу В.В. Гуре письмо, в котором одобряет повесть Белова и дает объяснение такой спешке: «Мы очень торопились, т.к. хотели открыть год стоящей вещью» (НА РК, ф. 3261, оп. 1, д. 11/13, л. 69)*. В декабре – январе в письмах редакции своим авторам не раз упоминается о предстоящей публикации: «Отличную повесть собираемся напечатать в первом номере нового года, отличную» (Там же, л. 79).

Автор в это время волновался о судьбе рукописи. В конце января он пишет в редакцию: «Я решил подать голос, т.к. никаких вестей из Петрозаводска нету. Хотелось бы знать, что и как ... А я сижу в Володе, ничего не делается, все застопорилось» (НА РК, ф. 3261, оп. 1, д. 4/22, л. 158). Впереди было самое главное – предстоящая схватка с местным обллитом (областным цензурным управлением). Но она прошла на удивление мирно, т.к. редакция заранее побеспокоилась о том, чтобы спрятать все опасные места (для необходимых изменений в тексте писатель приезжал в Петрозаводск в ноябре 1965 года). Что же было предпринято редакцией вместе с автором?

В ходе внесения в повесть поправок была убрана «непроходимая» глава о пошехонцах, сказку о которых рассказывает детям бабка Евстоля. Изображая пошехонцев – «невеселых мужиков», у которых все «неладно шло», автор повести мог подразумевать колхозников, чья жизнь полна трудностей и невзгод, а под объединением пошехонцев в обоз – «удачную» коллективизацию народного хозяйства. Естественно, что глава, так откровенно намекающая на неудачные сельскохозяйственные реформы советской власти, не имела шанса стать доступной для массового читателя. Впрочем, отсутствие этой главы не заметили из-за ее обособленного характера.

Редакцией было придумано и другое. Как писал Д.Я. Гусаров, представлялось необходимым «снабдить удивительно цельную и завершенную вещь примечанием – «конец первой части»» (Гусаров 1990: 7).

Указание на вторую часть произведения, якобы планируемую к публикации в следующих номерах журнала, имело важное психологическое значение. Если бы его не было, тональность произведения не оказалась бы соответствующей бодрости и оптимизму, которые требовались в соответствии с принципами соцреализма. В «первой части» повести изображены в большинстве своем печальные события. Указание на мнимую «вторую часть» снижало трагизм событий, произошедших в семье Дриновых.

* Ссылки на архивный материал даются по: Гусаров.

Следующая «уловка» была связана с изменением времени описываемых событий: 60-е годы, о которых шла речь в произведении, являлись запретной темой, т.к. критика современности не допускалась. А вот 50-е годы после осуждения культа личности Сталина изображать уже было можно. Эти редакционные приемы сыграли свою роль: они помогли отстоять произведение в борьбе с облитом, отвели возможные придиры цензуры. Но без второй части эту повесть не решились ни опубликовать отдельным изданием, ни экранизировать, ни поставить на театральных подмостках. Как грустно констатировал в своих записях Д.Я. Гусаров, «наша хитроумная придумка с первой частью повести Белова стоила, по-видимому, немалой задержки с ее изданием в зарубежных странах» (Гусаров 1990: 7).

Сразу же после предварительного контроля Р.Б. Корнев пишет В.И. Белову: «Рад сообщить, что в субботу после «боев и потерь местного значения» повесть прошла через облит. Теперь можно спокойно ожидать первого номера журнала» (НА РК, ф. 3261, оп. 1, д. 4/24, л. 1).

Славу одного из ведущих прозаиков В.И. Белову принесла именно повесть «Привычное дело». Когда появился первый номер журнала «Север» за 1966 год, в редакцию посыпались письма с восхищенными откликами. В библиотеках Москвы занимали очереди, чтобы прочитать произведение. Многие читатели требовали, чтобы редакция выслала им номер журнала, в котором оно напечатано. «Этот номер особенно – при всей северной локальности – не несет никакого налета провинциальности... Чертовски талантливо, чертовски страшно, если можно употребить такой термин, и очень трудно для критики», – писали из Архангельска (НА РК, ф. 3261, оп. 1, д. 11/55, л. 209).

Уже в сборнике произведений В.И. Белова «За тремя волоками» (1968) текст повести заметно отличался от журнального варианта. Изменения не затронули кардинально первоначальной структуры повести и ее содержания, но появились новые главы «Что было дальше», «Сказки Евстоля», значительно были дополнены главы «На бревнах», «Роголина жизнь», «Детки», «И пришел сенокос». Во втором варианте заметна большая стилистическая работа, образ Евстоля стал интереснее и глубже. В целом объем повести по сравнению с журнальным вариантом значительно увеличился.

Сам Белов считал, что переработка побуждает считать датой завершения повести не 1966, а 1967 год (Белов 1971: 248). Таким образом, имеются две редакции повести: журнальный вариант 1966 года и второй, окончательный, 1967 года. В последних изданиях повесть публиковалась по редакции 1967 года. В подзаголовке журнального варианта повести были слова «Из прошлого одной семьи», они настраивали на очерково-нравоописательный лад, поддерживая впечатление безыскусности пове-

ствования; во второй редакции эти слова сняты. В основу главы «На бревнах» положен ранний рассказ Белова «Вечерние разговоры» (Наш современник. – 1962. – № 1). В «Привычное дело» почти без изменений и под тем же заглавием вошел в качестве одной из главок рассказ писателя «Три часа сроку» (Белов В. Знойное лето. – Вологда, 1963). Критики отмечали, что эта повесть «удачно стоит в кругу рассказов – как бы эскизов к ней и детей ее» (Гусев 1968: 6). Своеобразным спутником повести является рассказ «Весна» (1964). Он созвучен ей по основному тону, проблематике и авторской концепции мира и человека. Эта концепция трагична, человек в соответствии с ней изначально обречен страдать, испытывать лишения, терпеть и находить смысл своего существования в его поддержке и продолжении.

Реалистическое произведение о недавнем прошлом вологодской деревни, трудностях ее развития, о душевном богатстве человека-труженика стало, по отзыву Ф. Кузнецова в газете «Правда» (3 марта 1967 года), значительным, истинно гражданским событием в литературе о деревне.

Уже в первых отзывах критики отмечалось, что ««Привычное дело» – своеобразный итог идейных и художественных поисков деревенской прозы за последние годы» (Клепикова 1971: 1). И в то же время, «будучи традиционной, повесть является открытием, т.к. характера, подобного Ивану Африканычу, в литературе до сего дня не было» (Дорош 1970: 297). И. Золотусский, считая эту книгу «духовной», где «земное, телесное возвышается до осознания себя, до прощения и решимости», рассматривал ее в русле традиций русской литературы (Золотусский 1983: 97).

«Мыслить о целостности мира, о самых “больших” проблемах в русле народного эпоса – в этом и состоит одна из наиболее существенных черт поэтики В. Белова», – таково мнение критиков (Кожин 1982: 81).

Во многих отзывах на повесть отмечалось, что оценка характеров и поступков Ивана Африканыча оказывается почти невозможной, настолько он слит с подлинной, многоцветной и многомерной жизнью, – как невозможно в категориях «хорошее – плохое», «черное – белое» оценивать саму жизнь в ее противоречивых проявлениях, применять к судьбе понятие «справедливость».

Выразительность языка повести, органическому слиянию элементов общенародного литературного языка, просторечия и диалектного языка, элементов живой севернорусской речи, севернорусских и вологодских говоров (на 40 тысяч слов текста приходится более 1200 диалектных слов), с которыми В. Белов, уроженец Вологодской области, хорошо знаком, посвящен целый ряд исследований. В них Белова рассматривают в ряду писателей, где любовь к крестьянской речи и стилизация под нее становятся типическими чертами их собственного слога (Е.П. Бугрий, Т.Г. Паникаровская, Л.Г. Яцкевич).

В одном из последних изданий «Привычного дела» (серия «Красная книга русской прозы». М., 2005) автор вступительной статьи В. Бондаренко размышляет о современном звучании проблем, поднимаемых в произведении: о сохранении народного лада, о трагической судьбе русского крестьянства и др.

Повесть «Привычное дело» была переведена на немецкий, датский, финский, эстонский, словацкий, казахский и другие иностранные языки.

В 1971 году режиссером Михаилом Ершовым на «Ленфильме» создан фильм «Африканыч» – экранизация повести «Привычное дело».

Жизнь повести «Привычное дело» в критике и литературоведении продолжается: по-прежнему неоднозначно решается вопрос об авторской концепции мира и человека, о типе героя, о жанровой специфике произведения. Это еще раз доказывает высокий статус данного текста в литературе современности.

Литература

Арефьева Е.Н., Волкова Э.А. В.И. Белов. Библиографический указатель литературы. – Вологда, 1982.

Белов В. Сельские повести. – М., 1971.

Гусаров Д. Раздумья в дни юбилея // Север. – 1990. – № 6.

Гусев В. О, память сердца... // Литературная газета. – 1968. – 17 июля. – № 29.

Дорош Е.Я. Живое дерево искусства. – М., 1970.

Золотусский И. Очная ставка с памятью. – М., 1983.

Клепикова Е. От быта к эпосу // Аврора. – 1971. – № 9.

Кожин В. Статьи о современной литературе. – М., 1982.

*Людмила Беженару
Яссы*

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ В РУБЦОВСКОМ ЛИЧНОМ И ТВОРЧЕСКОМ БЫТИИ

Как исконно русский поэт, Николай Рубцов воспринимал мир всем своим сердцем и всей своей душой, ему ничто не было безразлично, но мироощущением поэт чисто по-русски – смиренно, с благоговением, прикрепленный к пространству русского мира и Русского Севера, в котором ему писалось легко. Национальное своеобразие отражается в православных истоках его лирики и в русских корнях его творчества. Картина русского северного пространства осмысливается Рубцовым по-философски масштабно, она зачастую не поддается рациональному объяснению, поскольку большая ее часть находится в области мифопоэтического и не-